

7. Взятие власти большевиками

15 сентября ЦК партии большевиков начал дискуссию по двум письмам («Большевики должны взять власть» и «Марксизм И восстание»), которые были получены от Ленина, скрывавшегося в Финляндии. Он требовал, чтобы партия призвала народ к немедленному восстанию. «Ждать «формального» большинства у большевиков наив-

но: ни одна революция *этого* не ждет. И Керенский с К° не ждут, а готовят сдачу Питера... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь», — заключал Ленин. Никто из членов ЦК его не поддержал. Еще слишком свежи были воспоминания об «июльских днях». Высказывалось даже мнение о необходимости уничтожить письменное свидетельство предложения Ленина. ЦК решил срочно принять меры для предотвращения любой демонстрации и участвовать в работе Демократического совещания. Две недели спустя Ленин вернулся к своему предложению в статье «Кризис назрел», которая была на этот раз опубликована в газете «Рабочий путь». «Ибо пропускать такой момент и «ждать» съезда Советов, — писал он, — есть *ложный идиотизм* или *полная измена*».

Настойчивость Ленина постепенно подтачивала «революционный легализм» большевистских руководителей. По инициативе Троцкого депутаты-большевики 7 октября покинули зал Совета республики. В этот же день Ленин тайно вернулся в Петроград. 10 октября, благодаря выступлению Свердлова, который доложил о подготовке военного заговора в Минске, Ленину удалось изменить мнение ЦК (по крайней мере 12 из 21 полноправных членов, которые там присутствовали) и получить 10 голосов за (при 2 против — Каменев и Зиновьев) при голосовании по вопросу о вооруженном восстании. Оппозиция Каменева (к нему присоединились А.Рыков и В.Ногин — оба из Московского комитета, известного своей умеренностью) отнюдь не была неожиданной. С марта — апреля Каменев постоянно выражал свое несогласие с Лениным, считая, что в России еще не сложились условия для установления социализма. По его мнению, взятие власти большевиками было бы несвоевременным, партии не удастся построить подлинный социализм, что дискредитирует саму идею социализма. Каменев и Зиновьев направили низовым комитетам письмо, в котором объясняли, насколько рискованно ставить в зависимость от преждевременного восстания судьбу не только «нашей партии, но и судьбу русской и международной революций». У большевиков, продолжали они, отличные шансы на выборах, они могут рассчитывать примерно на треть голосов. «В Учредительном собрании мы будем настолько сильной оппозиционной партией, что в стране всеобщего избирательного права наши противники вынуждены будут уступать нам на каждом шагу. Либо мы составим вместе с левыми эсерами, беспартийными крестьянами и прочими правящий блок, который в основном должен будет проводить нашу программу». Победа, о которой рассуждали Каменев и Зиновьев, была бы парламентской, а не революционной.

Решение признать восстание как «стоящее на повестке дня», принятое 10 октября, не снимало всех противоречий. Ленин считал, что восстание должно произойти до открытия II съезда Советов, назначенного на 20 октября. Следовало срочно назначить дату проведения и заняться тщательной подготовкой восстания по всем правилам революционного искусства. Для Троцкого, напротив, первоочередной целью оставалось взятие власти Советами. Восстание же должно было произойти только в случае угрозы съезду. Троцкий не считал, что большевикам следует взять на себя инициативу атаки против правительства, а предлагал подождать, чтобы оно напало первым. Таким образом, вырисовывался третий путь, который делал особенно явными тактические и теоретические расхождения среди большевиков накануне взятия власти. Большинство из них приняли точку зрения Ленина, поверив слухам, что правительство готово сдать Петроград немецким войскам и переместить столицу в Москву. Выставив себя патриотами, большевики заявили о своем намерении обеспечить оборону города. С этой целью они создали Военно-революционный центр (ВРЦ) из пяти членов (Свердлов, Сталин, Дзержинский, Урицкий, Бубнов) для мобилизации маге, в поддержке которых, как свидетельствовал доклад делегатов большевиков, не было уверенности. В докладе, в частности, отмечалось, что в Кронштадте боевой дух значительно упал, население Васильевского острова совсем не настроено в пользу восстания. На Выборгской стороне массы поддержат. Московская застава: массы выйдут на улицу по призыву Совета, но мало кто откликнется на призыв партии. Нарвская застава: в целом никакого желания восставать. Охта: среди рабочих не обнаружено никаких настроений в пользу восстания.

Ранее со своей стороны Троцкий, являвшийся председателем Петроградского Совета, 9 октября стал инициатором создания самостоятельной военной организации

при Совете — Петроградского Военно-революционного комитета (ПВРК). Проявив тактическую ловкость, он поручил руководство им левому эсеру П.Лазимиру. Однако комитет, в который вошел ВРЦ, находился под контролем преобладавших в нем большевиков. Таким образом, под прикрытием организации, действовавшей от имени Совета, большевики смогли бы руководить восстанием. ПВРК вошел в контакт с четырьмя десятками военных частей столицы (в которой их насчитывалось тогда около 180), с Красной гвардией, почти с 200 заводами, полутора десятками районных комитетов, что позволяло мобилизовать 20 ~ 30 тыс. человек (в действительности только 6 тыс. человек приняли участие в событиях на стороне восставших). 18 октября военная комиссия Петроградского Совета организовала собрание уполномоченных полковых комитетов гарнизона. Большинство комитетов выразило недоверие правительству, подозреваемому в намерении сдать Петроград немцам, и заявило о готовности защитить революцию по призыву съезда Советов. Но совсем другое дело было заставить их принять большевистский лозунг взятия власти путем восстания. Троцкий резюмировал ситуацию следующим образом: «Гарнизон был многочисленным, но не хотел драться. Отряды моряков не обладали нужной численностью. Красной гвардии не хватало умения». Таким образом, за два дня до открытия съезда Советов ни дата, ни способы проведения восстания не были еще определены.

Однако восстание ни для кого не было секретом. 17 октября меньшевистский левый журнал упомянул о существовании письма, ходившего в большевистских кругах, в котором «обсуждался вопрос о вооруженном восстании». На следующий день «Новая жизнь» опубликовала статью Каменева, осуждавшую идею вооруженного большевистского восстания и косвенно подтверждавшую подлинность информации, появившейся накануне. Эта статья взволновала общественное мнение. Ленин считал ее равносильной предательству и потребовал исключения «диссидентов» из ЦК, но остался в меньшинстве, так как Каменев и Зиновьев обещали никоим образом не мешать осуществлению решений ЦК. В Исполкоме Совета Троцкий был подвергнут настоящему допросу меньшевиками и вынужден был ответить на вопрос, готовят ли большевики восстание. Он заявил, что восстание не предусмотрено большевиками, но они полны решимости защитить съезд Советов от любых контрреволюционных вылазок. Таким образом, подготовка большевиков выглядела «законной». Со своей стороны Керенский демонстрировал полную уверенность, так как рассчитывал на поддержку меньшевиков и эсеров и получил от полковника Полковникова, командующего гарнизоном, заверения в «абсолютной лояльности» войск правительству.

Тем не менее 21 октября гарнизон перешел на сторону ПВРК. Последний тут же обратился к населению с воззванием, предупреждавшим, что без подписи ПВРК никакая директива гарнизона не будет действительна. Керенский в ультимативной форме потребовал от ПВРК отмены этого документа. Началась проба сил. Утром 24 октября Керенский приказал закрыть типографию большевиков. Последние заняли ее снова. Для разработки плана действий в Смольном собрался ЦК большевиков. В восстании должны были слиться два самостоятельных потока: государственный переворот, организованный ПВРК от имени Петроградского Совета, чтобы защитить революцию, и пролетарское восстание под руководством Военно-революционного центра. Фикция двух этапов операции — оборонительного («защитить съезд Советов от действий правительства и старого Исполкома с эсеро-меньшевистским большинством») и наступательного (связанного с деятельностью Ленина, вышедшего 25 октября из подполья) — должна была быть выдержана до конца.

Вечером 24 октября Красная гвардия и несколько военных частей, действуя от имени Совета, захватили, не встретив сопротивления, невокские мосты и стратегические центры (почты, телеграф, вокзалы). За несколько часов весь город перешел под контроль восставших. Только Зимний дворец, где заседало Временное правительство, еще держался. Керенский тщетно пытался установить контакт со штабом. Там не вполне осознавали характер событий и не спешили оказать помощь победителю Корнилова. Утром 25 октября Керенский отправился за подкреплением. Не дожидаясь отправки ультиматума правительству, по инициативе Ленина было опубликовано в 10 часов утра воззвание ПВРК, в котором говорилось, что правительство низложено и что власть перешла в руки ПВРК. Это заявление до взятия власти II съездом Советов представляло собой настоящий государственный переворот. В первом варианте воз-

звания ПВРК Ленин писал: «ПВРК созывает сегодня на 12.00 Петроградский Совет. Принимаются неотложные меры для установления советской власти». Изменение симптоматично. Испытывая недоверие к «революционному легализму» Петроградского Совета, то есть Троцкого, к «соглашательскому духу» своих товарищей из ЦК, которых он подозревал в готовности войти в переговоры с другими социалистическими силами, Ленин хотел сосредоточить всю полноту власти в руках органа, созданного в процессе восстания, органа, который ни в чем не зависел бы от съезда Советов. Этот шаг делал неизбежным еще до открытия II съезда Советов разрыв между Лениным и другими революционными организациями, которые считали себя вправе претендовать на частицу нового авторитета и новой власти.

Во второй половине дня 25 октября Ленин, появившись впервые после июня перед народом, заявил на сессии Петроградского Совета: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась. Угнетенные массы сами создадут власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и данная, третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма». «Но вы предопределяете волю съезда Советов», — возразил кто-то. «Нет, — ответил Троцкий, — именно рабочие и солдаты, восстав, предопределили волю съезда».

Однако победа большевиков оставалась неполной, так как в Зимнем дворце еще заседало правительство. В половине седьмого вечера оно получило ультиматум ПВРК, который давал ему 20 минут на решение вопроса о капитуляции. В действительности же штурм Зимнего дворца произошел позднее, ночью, после того как крейсер «Аврора» сделал несколько холостых выстрелов в сторону дворца. В два часа утра Антонов-Овсеенко от имени ПВРК арестовал членов Временного правительства. Бои, в которых приняли участие с той и с другой стороны не более нескольких сот человек, завершились с минимальными потерями (6 убитых среди обороняющихся, ни одного среди нападавших).

За несколько часов до падения Зимнего дворца, в 22.40, открылся II Всероссийский съезд Советов. Осудив «военный заговор, организованный за спиной Советов», меньшевики покинули съезд, за ними — эсеры и бундовцы. Их уход обрек на поражение Мартова и его сторонников, искавших компромисса и предлагавших создать правительство, в котором были бы представлены социалистические партии и все демократические группы. Троцкий не преминул поиронизировать над этим предложением: «Народ пошел за нами, мы одержали победу, а теперь нам говорят: откажитесь от вашей победы, сделайте уступки, примите компромисс. С кем, я вас спрашиваю? С колеблющимися группами, которые нас оставили, а теперь делают нам предложения? Мы им говорим: вы — ничтожества и потерпели крах. Ваша роль окончена, идите же туда, куда вам предназначено: на свалку истории». Это выступление ускорило уход Мартова и его сторонников со съезда. Тогда по инициативе Троцкого съезд (на котором оставались только большевики и левые эсеры) принял следующую резолюцию: «II съезд констатирует, что уход меньшевиков и эсеров является преступной и отчаянной попыткой лишить это собрание представительности в тот самый момент, когда массы стараются защитить революцию от наступления контрреволюции».

Чуть позже съезд проголосовал за резолюцию, составленную Лениным, которая передавала «всю власть Советам». Эта резолюция была чистой формальностью, ведь на самом деле власть находилась в руках партии большевиков, но она узаконивала результаты восстания и позволяла большевикам править от имени народа, так как другие партии, за исключением левых эсеров, покинули съезд. Затем были зачитаны и одобрены декреты о мире и о земле — первые акты нового режима.